КСЕНИЯ ХИЖ

Ты пожалеешь о нас

МОЛОДЁЖНАЯ ПРОЗА

Ксения Хиж

Ты пожалеешь о нас

«Автор»
2026

Хиж К.

Ты пожалеешь о нас / К. Хиж — «Автор», 2026

Он мажор, привыкший получать всё с одной попытки. Она девушка из трущоб, играющая роль наследницы в отчаянной попытке изменить жизнь. Их миры столкнулись по расчету, но по правилам, которых не знал никто. Чем больше он пытается её завоевать, тем ближе подбирается к разгадке. А для неё раскрыться, значит потерять всё. Даже шанс на настоящую любовь.

© Хиж К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ 5
1 6
2 8
3 10
4 12
5 14
6 16
7 18
8 20
9 23
10 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ксения Хиж
Ты пожалеешь о нас

АННОТАЦИЯ

Он мажор, привыкший получать всё с одной попытки.

Она девушка из трущоб, играющая роль наследницы в отчаянной попытке изменить жизнь. Их миры столкнулись по расчету, но по правилам, которых не знал никто.

Чем больше он пытается её завоевать, тем ближе подбирается к разгадке.

А для неё раскрыться, значит потерять всё. Даже шанс на настоящую любовь.

1

Я деревенщина, а он мажор.

Он думает, что легко меня завоюет.

Я думаю, как бы не раскрылся обман.

Ведь я нищая. И живу под чужим именем.

Любовь уже на пороге.

Но у коварной судьбы свои планы.

Жестокие и беспощадные.

***

Московский вокзал Петербурга встречает меня промозглым ветром и толпами чужих людей.

Мне восемнадцать. Я здесь впервые.

И этот город давит. Огромный, холодный, чужой.

Я сжимаю потрёпанную сумку, в ней всё, что у меня есть, и вглядываюсь в лица.

Тысячи лиц. Чужих и равнодушных.

Где же ты, Лиза?

Мы не виделись с трёх лет.

Нас разлучили, когда мы ещё были малышками: мать забрала её в Питер к новому мужу-олигарху, а я осталась с отцом в деревне. Всё, что у нас было за эти годы только редкие сообщения и старые фотографии, где мы пытались улыбаться, но глаза у обеих были грустные.

Слишком разные жизни. Слишком далеко друг от друга.

И вот сегодня долгожданная встреча.

Я представляла её сотни раз.

Как мы кинемся друг другу в объятия, как будем плакать и смеяться одновременно, как я расскажу ей про нашу деревню, про отца, про то, как топила печь по утрам, а она про свою жизнь в этом огромном городе.

Стою у выхода. Смотрю на часы. 12:00. 12:10. 12:20.

Её нет.

Телефон молчит. Ветер продувает тонкое пальто насквозь. Я кутаюсь и убеждаю себя: Может, просто опаздывает. Мало ли, пробки, транспорт.

Но внутри уже разрастается противный холодок от страха.

Я достаю телефон. Пишу ей: Ты где? Я на месте.

Сообщение доставлено, но прочитано не было.

Проходит ещё десять минут. Двадцать. Полчаса.

Телефон молчит.

Я набираю её номер. Вызов идёт, но никто не берёт трубку. Сбрасывается. Ещё раз и то же самое.

- Ну пожалуйста, Лиза! – шепчу, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Люди проходят мимо. Им нет до меня дела. Я здесь одна. Совсем одна в этом огромном чужом городе.

Замёрзла. Пальцы не слушаются, нос красный, зубы стучат.

Решаю не стоять столбом. Иду к кафе на площади Восстания чтобы там хоть немного согреться.

Перехожу дорогу, засматриваюсь на высоченные здания. Я такие только в телевизоре видела.

Я не замечаю, как из-за поворота вылетает чёрный внедорожник.

Визг тормозов режет по ушам.

Чей-то крик. Асфальт летит в лицо. Мне больно!

Я падаю на бок, сумка отлетает в сторону, вещи рассыпаются по мокрому асфальту. В ушах звенит. В глазах темнеет. Я пытаюсь вдохнуть, но воздуха будто нет.

- Ты что, совсем без мозгов?!

Надо мной нависает разъярённый парень. Красивый. Злой до бешенства. Дорогая куртка, часы на руке, перекошенное от злости лицо.

- Посмотри, что ты наделала! Бампер помяла, овца!

Я пытаюсь встать.

Руки дрожат. Хочу что-то сказать, но не могу. Из глаз текут слёзы от боли, от страха, от всего сразу.

- Я не специально… - выдавливаю из себя.

- Не специально она! – орёт он. – А бампер кто чинить будет? Ты, нищебродка?

Он оглядывает мою потрёпанную сумку, моё дешёвое пальто, и в его глазах вспыхивает презрение.

- Таких как ты, давить надо, - цедит он сквозь зубы.

И хватает меня за руку.

Больно. Сильно. Тащит к машине.

- Отпустите! Пожалуйста! – кричу. – Я никуда с вами не поеду!

- Сейчас за всё ответишь, - шипит прямо в ухо. – Поехали!

2

Он тащит меня в машину на глазах у прохожих, но никто даже не думает заступиться.

Я кричу так, как никогда прежде, но всем плевать!

Дверь захлопывается.

Я на заднем сиденье, как в клетке.

В голове пульсирует только одно: это сон. Это не со мной. Это не может происходить со мной!

Машина летит по городу.

Я даже не смотрю куда. Сжимаюсь в комок и молюсь, чтобы это поскорее закончилось.

Парень за рулем ржёт, говорит кому-то по телефону:

- Да, бабу наколол, сейчас приеду. Не ссы, ща разберёмся.

Он пьяный. Или под чем-то.

Я слышу это по его голосу. По тому, как он дёргано смеётся.

Останавливаемся у какого-то старого дома. Двор-колодец. Я такие только в кино видела про бандитский Петербург. Страшно до мурашек.

Парень вытаскивает меня наружу. Я дрожу так, что зубы стучат. Оглядываюсь: вокруг высокие стены, узкий двор, ни одного прохожего.

- Помогите! – кричу в отчаянии. – Кто-нибудь!

- Заткнись! – он зажимает мне рот ладонью. – Пискнешь ещё раз и пожалеешь.

Я вырываюсь, но куда мне. Он сильнее. Намного.

И в этот момент во двор въезжает спортивная машина.

Дорогая. Низкая. Красивая. Она буквально стелется по асфальту.

Дверь открывается.

Из машины выходит ОН.

Высокий. Накачанный. В чёрной футболке, которая обтягивает широкие плечи.

Тёмные волосы, волевой подбородок, тяжёлый взгляд.

Он смотрит на нас, на меня, на этого придурка, который всё ещё держит меня за руку, и в глазах у него вспыхивает что-то опасное.

- Какого хрена здесь происходит? – голос низкий, спокойный, но от него мороз по коже.

- О, Митя! – мой похититель отпускает меня и расплывается в улыбке. – Смотри, какую тёлку подобрал. Под машину кинулась, бампер помяла, овца. Сейчас разбираться будем.

Митя переводит взгляд на меня.

И я замираю.

Потому что он смотрит не как тот, первый. Не с презрением. Он смотрит изучающе. Цепко. Так, будто видит меня насквозь.

Я стою перед ним дрожащая, в дешёвом пальто, с разбитой губой и глазами, полными слёз. И чувствую себя голой.

Он медленно подходит ко мне.

Вблизи он ещё больше.

И ещё страшнее.

- Ты чего такая... никакая? – спрашивает тихо. Смотрит на мою одежду, на разбитую губу. – Что за шмот, а?

И вдруг его лицо меняется. Он всматривается внимательнее. В глаза. В лицо. В каждую черту.

- Погоди... - он хмурится. – Это же... Лиза? Вроде...

Я застываю.

- В наш универ поступила, - говорит он, будто сам себе. – Я тебя на фото видел.

Он оборачивается к тому, первому:

- Отпусти её. Ты охренел совсем?

- Да ладно, Дим, она же...

- Я сказал отпусти. – В его голосе сталь.

Первый нехотя отступает.

Митя снова смотрит на меня. В упор.

- Принцесса, - усмехается, но в глазах нет насмешки. Скорее интерес. – Что ты здесь забыла в таком виде? И почему этот дебил к тебе прицепился?

Я открываю рот, но не могу вымолвить ни слова.

Потому что я только что поняла: он принял меня за Лизу.

За мою сестру.

За ту, которой я никогда не была.

И это начало конца.

3

Я стою и смотрю на него, не в силах вымолвить ни слова. Язык будто присох к нёбу. В голове пульсирует только одна мысль: Он знает Лизу. Он учится с ней. Он видел её фото.

- Эй, - Митя щёлкает пальцами перед моим лицом. – Ты вообще здесь? Голос есть?

Я вздрагиваю.

- Я здесь, то есть… - несу какую-то околесицу, а в голове лихорадочно мечется: *Молчи, Даша. Не ляпни лишнего. Ты теперь Лиза. Ты должна быть Лизой.*

Митя прищуривается. Смотрит так, будто рентгеном просвечивает.

- Ты чего трясёшься? – спрашивает он уже тише. – Этот придурок тебя напугал?

Я киваю. Потому что это хотя бы правда.

Митя оборачивается к тому, первому. Тот стоит с виноватым видом, но всё ещё пытается улыбаться.

- Тоха, ты вообще соображаешь, что творишь? – голос этого Димы холодный, как этот питерский ветер. – Это же не просто какая-то… - он осекается, бросает взгляд на меня. – Это Лиза. С нашего универа. Дочка того самого Самойлова, сечешь?

- Да ладно? – Тоха округляет глаза. – А чё она так одета? Я думал, бомжиха какая…

У меня внутри всё сжимается от этого слова.

Бомжиха.

Я смотрю на своё пальто, на стоптанные сапоги, и хочется провалиться сквозь асфальт.

Митя перехватывает мой взгляд.

- Поехали, - говорит он мне. – Отвезу тебя.

- Я… я сама… - пытаюсь отказаться, но ноги не слушаются. Они дрожат так сильно, что я боюсь рухнуть прямо здесь.

- Сама ты упадёшь через три шага, - отрезает Митя. Он берёт меня под локоть, и от его прикосновения по коже бегут мурашки, потом смотрит на меня, на мою сумку, на разбросанные по асфальту вещи.

- Садись в машину, - кивает он на свою спортивную. – Я соберу.

Я хочу сказать, что сама могу, но он уже наклоняется и поднимает мои вещи.

Старенький кошелёк, расчёску, потрёпанную книгу, которую я взяла в дорогу.

Он смотрит на книгу, на потрёпанный переплёт, и в его взгляде снова мелькает удивление.

Я отворачиваюсь и иду к его машине.

Сажусь на пассажирское сиденье.

Митя садится за руль. Кладёт мою сумку мне на колени.

- Пристегнись, - говорит он.

Я пытаюсь, но руки трясутся так, что ремень не лезет в замок.

Митя смотрит на это секунду, потом вздыхает, наклоняется и сам застёгивает меня.

Он так близко.

Я чувствую запах его одеколона.

Вижу, как бьётся жилка на его шее.

И на секунду забываю, как дышать.

- Всё, - он отстраняется. – Поехали.

Машина выезжает со двора. Я смотрю в окно и пытаюсь успокоиться.

Глубокий вдох. Выдох. Не помогает.

- Куда тебя везти? – спрашивает Митя.

- Мне нужно встретиться с…

Я осекаюсь. Я же Лиза. У Лизы есть дом. Лизу ждут. А я не знаю, куда ехать.

Митя бросает на меня странный взгляд.

- Ты чего? Забыла, где живёшь?

- Нет, просто… - лихорадочно соображаю. – Я хотела сказать, что мне нужно встретиться кое с кем. На площади Восстания.

Мы едем молча. Я смотрю в окно на огни города и чувствую, как напряжение понемногу отпускает. Руки перестают дрожать. Дыхание выравнивается.

- Тоха, конечно, мудак, - неожиданно говорит Митя. – Но он не опасный. Так, дебил с деньгами. Не бойся его.

- Я не боюсь, - отвечаю.

- Испугалась, - пожимает он плечами. – Видно же.

Я молчу.

- Ты всегда такая? – спрашивает.

- Какая?

- Молчаливая.

Я усмехаюсь. Дома меня за уши не оттащишь от разговоров, а тут слова вытягивают клещами. Я просто в стрессе. А так бы уже давно по нему прошлась.

- Просто день тяжёлый, - говорю.

Я смотрю на него. В полумраке салона он кажется ещё более... внушительным. Широкие плечи, сильные руки на руле, уверенный профиль.

- А ты… - начинаю и замолкаю.

- Что?

- Ты правда меня знаешь? По универу?

Митя бросает на меня быстрый взгляд.

- В лицо видел. Ты же на экономе? Говорили, какая-то новая поступила, из богатеньких. Фотку в чате кидали.

У меня внутри всё холодеет. Фотку кидали. Значит, могут и сравнить.

- А ты кто? – спрашиваю, чтобы отвлечь его от этой темы.

- Митя, - усмехается он. – Тоже учусь. На четвёртом курсе. Спортфак.

Спортфак. Это объясняет плечи. И эту уверенность в каждом движении.

- И часто ты вытаскиваешь девушек из лап своего друга? – спрашиваю с иронией.

Митя смеётся. У него приятный смех. Неожиданно тёплый.

- Тоха мне не то, чтобы друг, так, знакомый. А вытаскивать, - он пожимает плечами. – Первый раз, если честно.

- Повезло мне, - бормочу.

- Повезло, - соглашается он. И смотрит на меня так, что сердце пропускает удар.

Мы подъезжаем площади.

- Приехали, принцесса, - говорит Митя.

- Спасибо, - говорю быстро и тянусь к дверной ручке.

- Стой, - Митя кладёт руку мне на плечо. – Ты как в универ завтра пойдёшь? Сама?

Я замираю.

- В смысле?

Митя смотрит на меня пару секунд. Потом достаёт телефон.

- Давай номер.

- Зачем?

- Заеду. Адрес скинешь. Долго не гуляй, поздно уже, да и таких как Тоша полным-полно.

Я колеблюсь. Это опасно. Это слишком опасно. Но в его глазах столько уверенности, что я почему-то диктую.

Он набирает, и мой телефон пиликает входящим вызовом.

- Сбрось, - говорит он. – Теперь у тебя мой номер.

4

Я сижу на скамейке и жду сестру. Дрожь до сих пор не прошла. Я вся как натянутая струна: любое прикосновение, любой громкий звук, и я рассыплюсь.

Телефон вибрирует. Экран загорается именем, которое я ждала весь день.

Лиза.

- Алло?

- Даша! Господи, Даша, прости меня! – голос сестры срывается в трубке. – Я не могла раньше, у меня телефон разрядился, потом этот скандал… Ты где? Ты в порядке?

Я пытаюсь ответить, но из горла вырывается только всхлип.

- Даша? Ты плачешь? Где ты?

- Я не знаю, где я, - выдавливаю. – Какой-то сквер рядом с площадью Восстания. Лиза, со мной такое случилось!

- Я сейчас приеду! Сиди на месте! – кричит она. – Никуда не уходи!

Связь обрывается.

Я смотрю на потухший экран и чувствую, как из глаз снова текут слёзы. Сами. Я даже не могу их остановить.

Сижу, обхватив себя руками, и пытаюсь согреться. Ветер продувает насквозь. Пальто тонкое, деревенское, не для Питера. Дома я в нём в магазин ходила, а здесь ноябрь совсем другой.

Минут через двадцать я слышу быстрые шаги.

- Даша!

Я поднимаю голову.

И замираю.

Потому что передо мной стою я.

Те же глаза. Тот же нос. Те же губы. Те же скулы.

Но другая.

Она в дорогом чёрном пальто, с идеальной укладкой, с сумкой, которая стоит, наверное, как наша корова. Ухоженная. Красивая.

Моя близняшка, но такая чужая.

- Дашенька! – она падает рядом на скамейку и обнимает меня так крепко, что я чувствую тепло даже сквозь эту дурацкую дрожь. – Прости меня, прости, я дура, я должна была встретить!

Я утыкаюсь ей в плечо и реву. В голос. Как маленькая. Плевать, что люди смотрят. Я родилась первой, раньше на три минуты, но ощущаю себя сейчас рядом с ней подростком. Она выглядит взрослее, иначе. Такая красивая и ухоженная, а я…

Мы сидим так минут пять. Может, десять. Я не считаю. Просто чувствую, что наконец-то я не одна.

- Рассказывай, - говорит Лиза, когда я затихаю. – Всё рассказывай.

И я рассказываю.

Про внедорожник. Про того психованного, который вылетел из-за поворота. Про то, как он на меня орал, как схватил, как затащил в машину. Про второго парня Диму, который меня отпустил.

Лиза слушает. Её лицо становится всё бледнее, а потом она сжимает кулаки.

- Я убью его. Найду и убью.

- Не надо, - качаю головой. – Всё уже позади, я жива, и это главное.

- А если бы он, - Лиза закусывает губу. – Даша, прости меня. Я не должна была опаздывать. Если бы я была на вокзале вовремя, но мать такое учудила! Она же не знает, что я к тебе спешила…

- Хватит, Лиз, не оправдывайся. – Перебиваю вдруг зло. Резко стираю слезы с лица, как позорные отметины. – Ты здесь, ты приехала. Это главное.

Она говорила про мать, а я сижу как истукан.

У меня никогда не было мамы. Я это слово даже на вкус не знаю. У меня был алкоголик отец и старая бабушка, и дом в деревне.

А у нее!

Я в шоке оттого, какие фотки она мне показывает. Наша, теперь исключительно ее мама, вышла замуж за бизнесмена, и они отлично устроились. У Лизы своя машина, своя квартира на Невском проспекте, с ума сойти!

- Она про меня не говорила? – шепчу и так зная ответ.

- Нет, никогда. Прости.

- Тебя-то за что, - хмыкаю.

Нам было почти по три года, когда мать и отец развелись. Лизу мать забрала с собой, ее новый муж согласен был только на одного чужого ребенка…А меня оставили с отцом.

Мы молчим. Я смотрю на неё и не могу насмотреться. Столько лет и вот мы рядом.

- Расскажи о себе, - прошу еще. – Как ты живёшь?

Лиза усмехается. Горько почему-то.

- Живу? Можно ли это назвать жизнью? – она отводит взгляд. – Мать меня не замечает. Отчим вечно в бизнесе. У них свои дела, свои поездки, свои деньги. А я просто декорация. Дочка олигарха, которую надо показать на каких-то мероприятиях. А в остальное время, хоть исчезни, никто и не заметит. И школа у меня была для мажориков и универ теперь самый престижный в Питере. И друзья у меня богатенькие. А я вот к бабушке в деревню хочу. Смотрела на ваши фото и плакать хотелось. Задолбало меня все, понимаешь?

- Нет, - отвечаю серьезно. – Не понимаю. У тебя же всё есть. Квартира, деньги, учёба, курорты, да всё!

- Квартира, где я одна. Деньги, которые не греют. Учёба, которая мне не нужна, - перебивает она. – Там, где ты выросла, есть хоть что-то настоящее. А у меня золотая клетка, Даша. Красивая, дорогая, но клетка.

Я смотрю на неё и вижу: она не врет. В её глазах такая тоска, что у меня сердце сжимается.

- А у нас в деревне, - начинаю. – Там всё просто: по утрам печку топить надо, воду носить. Огород опять же, иначе зимой жрать нечего будет. Отец вечно в делах и в пьянках. Но друзья у меня там настоящие. Бабушка блины печет, а природа какая! Леса, речка, свобода!

- Завидую, - шепчет Лиза. – Вот бы поменяться хоть на время…

5

Я никогда не видела такой красоты.

Стою посреди гостиной и боюсь дышать.

Боюсь, что, если сделаю лишнее движение, этот сон развеется, и я снова окажусь в нашей покосившейся избе в деревне, где ремонт и мебель оставляют желать лучшего, а в туалет надо бежать через двор.

Но это не сон.

Я в Питере. В квартире на Невском проспекте. В старинном доме с историей, с лепниной на фасаде, с парадной.

Лиза открыла дверь ключом, я вошла внутрь и забыла, как дышать.

- Эта квартира, - шепчу, обводя взглядом пространство. – Твоя?

- Ну вообще эта квартира матери, - отвечает Лиза. – Но да, я тут живу, с тех пор как поступила в универ.

Гостиная огромная. Я начинаю кружить по ней, как завороженная.

Высокие потолки с лепниной. Паркет елочкой из светлого дерева, натертый до блеска.

На стенах картины в тяжелых золоченых рамах, и я готова поспорить, что это не репродукции.

Диван такого красивого голубого цвета, что хочется утонуть в нем, укрыться пледом и никогда не вставать.

Журнальный столик из цельного куска мрамора, книжный шкаф во всю стену, тяжелые шторы, красивый палас, хрустальная люстра королевского размера.

- Лиза! – выдыхаю. – У вас тут настоящий музей.

- Это просто дом, - пожимает она плечами. – Я уже не замечаю. А вообще мебель бы надо сменить, а то слишком аутентично.

- Как можно не замечать этого великолепия?

- Даш, это просто квартира.

- Да! Но в старинном доме в центре! На Невском проспекте! Сколько такая стоит? – замираю, хлопая ресницами.

Сестра пожимает плечами.

- Ну миллионов триста.

- Что-о-о?

- Минимум, - ухмыляется. – Это центр, детка, старый фонд. С историей! Да и метраж здесь большой. Нет, думаю больше пятиста!

Меня трясет от этих цифр. Да за всю жизнь столько не заработать!

Мне. Моему окружению.

А у нее отчим олигарх. Мать бизнесвумен. Она – мажорка, хоть и отрицает это. а может и вправду она тонкой душевной организации и ей это все ник чему. Бабушка, так и говорила, кстати, что я вся в мать – бойкая, агрессивная временами, жадная до всего. А Лизка должно быть в отца – он тихий, смиренный, валовый. Без экспрессии он, на своей волне. Сейчас уже алкогольной, а раньше нормальный был.

Я подбегаю к окну и замираю снова.

Невский проспект. Огни, машины, люди. Дома-великаны по обе стороны, каждый с историей, с тайной. Вдалеке угадывается купол Исаакиевского собора, золотится в лучах заката.

Город дышит, живет, а я стою и смотрю на него сверху вниз, как будто я часть всего этого.

- Лиза, - поворачиваюсь к ней, и у меня глаза на мокром месте. – Это не квартира, это мечта. Это я даже не знаю, как это называется. Это сказка!

Она грустно улыбается.

- Для тебя сказка, для меня клетка.

Я смотрю на сестру внимательно. Впервые по-настоящему.

Она худая. До прозрачности, до синевы под глазами.

Широкий кардиган болтается на ней как на вешалке, джинсы висят мешком.

Волосы такие же как у меня, глаза такие же каре-зеленые, нос с той же горбинкой, бабушкин, фамильный, но во взгляде у нее сломленность.

Как будто она уже сдалась, хотя ей всего восемнадцать.

- Пойдем, - говорит она. – Я покажу остальное и ты примешь душ, переоденешься с дороги, а я закажу нам еды.

Она ведет меня по квартире, и у меня глаза разбегаются.

Её спальня светлая, с огромной кроватью под балдахином. Я падаю на нее раскинув руки. Постельное белье пахнет лавандой, и я наклоняюсь, чтобы понюхать, и не могу остановиться. Хочется вдыхать этот запах вечно. Он мне о деревне напоминает, н здесь он люксовый!

- А это гардеробная, - Лиза открывает дверь.

Я захожу внутрь и теряю дар речи.

Отдельная комната, целиком забитая одеждой. Вешалки рядами: платья, блузки, джинсы, пальто, куртки. На полках сумки. Брендовые, что я видела только в журналах и в руках у героинь сериалов. Шанель, Прада, Гуччи. Рядом полка с обувью. Туфли на каблуках, кеды, ботинки, сапоги. Рядами, как в магазине. Десятки пар!

Я беру в руки красное шелковое платье, легкое, как вздох. Подношу к лицу, оно пахнет незнакомыми духами, явно дорогими и сладкими.

- Можно? – шепчу. Пшыкаю на себя из розового флакона.

- Это всё теперь твое, - говорит Лиза. – Мне не жалко!

- А вот еще смотри, мое любимое место! – говорит она. – Самое главное в этом доме.

Я замираю на пороге и не могу сделать шаг.

Это не ванная, это дворец! Размером с нашу с бабушкой кухню и прихожую вместе взятые.

Белый мрамор на полу и стенах. Золотые смесители, сияющие так, что больно глазам. Огромное зеркало в тяжелой резной раме. Пушистые полотенца стопками. Махровые халаты на крючках белые, как облака.

И ванна.

Чугунная, на ножках в виде львиных лап. Белая, глубокая, с высокими бортиками. Она стоит прямо у огромного окна во всю стену.

А за окном Невский проспект.

Огни, машины, жизнь. Люди спешат по своим делам, а ты можешь лежать в горячей воде и смотреть на них сверху.

Как богиня.

Как королева!

6

- Можно? – мой голос срывается. – Можно лежать в ванне и смотреть на город?

- Ага, - Лиза кивает. – Я часто так делаю, когда хочется спрятаться от всего. Набираю воду, добавляю соль, пену, и смотрю. Иногда по часу.

Я подхожу к окну. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, смотрю вниз.

- Лиза, - поворачиваюсь к ней. – Как можно это всё ненавидеть?

Она садится на край ванны, обхватывает себя руками.

- А ты поживи здесь месяц, - говорит она. – Увидишь. Когда у тебя есть всё, кроме главного, это хуже, чем когда нет ничего.

- Чего главного?

- Ну! – хмыкает, закатывая глаза. – Свободы, например.

Она поднимает на меня глаза.

- Свободы, - повторяю, пожимая плечами.

- А что, мало? – качает головой. – Ну ок. А как насчет права быть собой?

- Будь.

- А любовь? Настоящая, не за деньги и не за статус? Мать меня не любит, Даша. Она любит мои достижения, мои манеры, мою идеальность. Отчиму плевать. Друзей настоящих у меня нет, есть только те, кто хотят пробиться к деньгам. Я одна в этой роскошной клетке. И я впервые влюбилась. Хочу уехать к нему. Но мне нельзя. Он же неровня такой принцессе, как я.

Она хмыкает, а потом истерично смеется.

- Он обычный? – хмурюсь. – Не богатый? Или что?

- Он обычный, - кивает она с вызовом, словно защищая его даже от меня. – Максимально не мажор. Он другой.

- М-м, ясно, - тяну, хотя ничего мне не ясно.

Но с вопросами предпочитаю не лезть. Если будет нужно, она сама мне всё расскажет.

Она кусает губы. В ее взгляде печаль.

У меня сердце сжимается от ее вида.

И тут мне в голову приходит сумасшедшая мысль.

- Лиза, - я смотрю на неё в упор. – А давай поменяемся? Хочешь? Я поживу тут, буду ходить за тебя на пары! А ты едь к нему! Или с ним. Оторвись!

Она замирает.

- Что?

- Давай поменяемся жизнями, - говорю, и с каждым словом чувствую, как внутри разгорается азарт. – Ты мечтаешь о свободе, а я о шансе вырваться из нищеты. Я хочу танцевать, Лиза. Хочу на сцену, а здесь, в Питере, у меня был бы шанс. Я бы на кастинг сходила или хотя бы просто мастер-класс. А ты бы поехала с парнем своим, ну например в деревню к бабушке, которую никогда не видела. А что? Классно же! Никто бы вас там не трогал. Отдохнули бы от всего и всех. У нас с бабушкой дом хоть и старый, но очень большой.

Лиза смотрит на меня так, будто я сошла с ума.

- Ты понимаешь, что говоришь? – шепчет она. – Это же обман. Это сложно, нереально!

- А твоя жизнь не обман? – перебиваю. – Ты сказала: хоть исчезни, как душно тебе здесь. Так расправь крылья! Исчезни, Лиза. Просто на время. Потом вернешься и я уйду. Но хотя бы на время побуду тобой и поживу такой жизнью!

Она молчит долго.

А потом в её глазах загорается безумие.

- А если узнают?

- Не узнают. Мы же одинаковые.

- Даша! – она качает головой. – Это безумие!

Я вижу, как в её глазах борются страх и желание.

Я подхожу ближе, беру её за руки.

- Мы одинаковые, Лиза. Посмотри в зеркало: та же родинка на шее, тот же нос, те же глаза, только ты худая, а я, - усмехаюсь, - я пышка, но в одежде не видно.

7

- Ты чего замерла? – Лиза толкает меня в плечо.

Я стою посреди её гардеробной и боюсь пошевелиться. Слишком много красоты вокруг. Слишком много всего, к чему я не привыкла.

- Лиз, тут вещей больше, чем в нашем сельпо, - выдыхаю. – Тут на миллион рублей, наверное.

- На миллион? Хах! – сестра закатывается смехом. – Систер бери выше! На десять, не меньше! – поправляет буднично. – Но, как говорится, не в деньгах счастье.

- Для кого как, - бормочу ошалело, проводя рукой по шёлковым платьям.

Лиза подходит к огромному комоду, вытаскивает оттуда коробку.

- Знала, что пригодится! Смотри!

Я заглядываю, там бутылка шампанского с красивой этикеткой.

- Что это за красота? – округляю глаза. – Тоже за миллион?

- Почти. Завтра мы расстанемся плюс минус на месяц, - говорит Лиза серьёзно. – Сегодня последний вечер, когда мы вместе. Давай отметим?

Я смотрю на неё. На её глаза, в которых столько тоски и надежды одновременно. И понимаю: она права.

- Давай, - киваю.

Мы открываем шампанское на кухне.

Лиза ловко управляется с бутылкой, видно, что не в первый раз. А я даже не знаю, с какой стороны к ней подойти. В деревне мы пили дешёвое пиво, если деньги были.

- За нас, - поднимает бокал Лиза. – За то, чтобы у каждой всё получилось.

- За нас, - повторяю я.

Мы чокаемся. Я делаю глоток и чувствую, как по телу разливается тепло. Вкус необычный, сладковатый, с пузырьками.

- Вкусно, - удивляюсь.

- А ты думала, - усмехается Лиза. – Это Пайпер Хайдсик.

- Сколько стоит? – на всякий случай спрашиваю.

- Тысяч сто, не меньше.

Я давлюсь. Буквально. Шампанское выплёскивается обратно в бокал.

- Сколько?! Лиз, ты с ума сошла! За эти деньги можно полгода питаться!

- Ну вот, - она пожимает плечами. – Теперь ты понимаешь, почему я хочу сбежать. Для меня это норма, а для тебя дикость. Я устала от этой нормальности.

Я молчу. Перевариваю.

Мы заказываем суши.

Лиза тыкает в телефон, выбирает какие-то непонятные названия, а я просто сижу и смотрю, как это делается. Приложение, корзина, оплата, через сорок минут привезут.

- Ты суши любишь? – спрашивает она запоздало.

- Не пробовала ни разу, - признаюсь честно, пожимая плечами.

Лиза смотрит на меня с ужасом.

- Как? Ты серьёзно?

- У нас в деревне суши не продают, - усмехаюсь. – Максимум селёдка под шубой.

- Господи, Даша, - она качает головой. – Ты даже не представляешь, что тебя ждёт. Это божественно. Рыба, рис, соус... Я научу тебя пользоваться палочками.

- Палочками? – я ржу. – Лиз, я видела такое только в кино. У нас вилками едят.

- В Питере тоже вилками, - успокаивает она. – Но суши палочками вкуснее. Это атмосфера.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри разливается восторг и восхищение. Моя сестра. Родная по крови, почти незнакомая. Такая крутышка!

Пока ждём суши, разговариваем.

- Расскажи про деревню, - просит она.

Я делаю глоток шампанского и задумываюсь.

- Деревня - это знаешь, как в фильмах показывают? Глушь, разруха, безысходность?

- Примерно, - кивает она.

- Так вот это правда, - усмехаюсь. – У нас дом старый, бабушкин еще в нем росла. Печка, которую топить надо, туалет на улице сама понимаешь Вода из колонки, зимой особенно весело, идёшь по сугробам с вёдрами. Душа или ванны нет, зато есть баня, а это отдельный восторг!

- Господи, - Лиза морщится. – Ненавижу сауны. И как без душа жить? Ума не приложу.

- Да привыкнешь! Баню каждый день топим, ополоснуться перед сном это святое.

Лиза задумчиво морщит нос.

- Еще что? Давай до конца запугай меня, чтобы я передумала, - улыбается.

Я хихикаю, откидываясь на спинку шикарного дивана.

- Соседи алкаши и напротив и через дом, да в целом у нас пол деревни бухает, но зато вторая половина все фермера, и живут, знаешь, не хуже тебя. Образно, конечно, но деньги водятся. И машины у них новенькие и дома добротные. А еще сыновья – наши ровесники, прикольные ребята.

- И что ты? Влюблялась в кого?

- Я-я-я? – рычу удивленно. – Еще чего! Нет! Не для них я цвела!

- А для кого? – спрашивает Лиза, прищурившись.

- Ну не знаю, - пожимаю плечами. – Хочется прям встретить и с первого взгляда влюбиться. Чтобы как в фильмах о любви, как в сказке!

- Наивная, - усмехается. – Ну а парни что? Не ухаживали даже? Не добивались?

- Почему это? Ухаживали, только я им сразу отворот поворот дала. Не для них я росла, говорю же!

Лиза смеется, а потом мотает головой задумчиво.

- А я вот влюбилась сильно, впервые, - пожимает плечами. – Парней было у меня и до него предостаточно, но чтобы вот так, как с ним – ни разу.

- А парни были, - замолкаю, подбирая слова, - ну вы гуляли просто или как?

Поджимаю губы, даже краснею.

Лизка фыркает.

- А ты девочка еще что ли? – удивляется искренне.

Я удивляюсь в ответ, даже пыхчу от возмущения.

- Кончено! Да, вообще-то! А ты что – нет?

В комнате повисает молчание.

Лиза улыбается, делая глоток из бокала, а меня жар охватывает. Ну ничего себе сестрица дает! Во всем смыслах причем!

- Да ладно? Секс уже был? Ого! И как оно?

- Даш, - говорит серьезно. – Ну ты точно с луны свалилась! Ну совсем дикая ты у меня что ли?

- Да нет, - тушуюсь. – Я просто не падкая на пацанов. Чушь несут всякую и все ради этого. Да, фу, противно даже!

Она громко и заливисто смеется.

- Дикарка! – выдыхает. – Об этом завтра поговорим. Что там еще по деревне? Что меня ждет? Природа – огонь?

8

- Да-а, кайф! Особенно летом! - оживляюсь я. – У нас озеро рядом, такое чистое, прохладное. Мы с друзьями после школы туда бегали купаться, пока бабушка не видит. А потом костёр жгли, картошку пекли. До утра сидели, разговаривали, песни пели под гитару.

- А как твоих друзей-то зовут? Скинь их фотки потом.

- Обязательно! Там Пашка, Ксюха, Серый... Мы с детства вместе. Делили всё: конфеты, игрушки, потом первую сигарету, первые разочарования. Они меня знают как облупленную.

- Завидую, - говорит Лиза. – У меня никогда не было таких друзей. Рядом всегда только те, кто хочет денег.

- А гулянки у вас есть? – спрашиваю. – Ну, как в кино: яхты, вечеринки?

Лиза усмехается.

- Есть. И яхты, и вечеринки, и курорты. Каждый год Италия, Франция, Испания. Мать тащит с собой, чтобы поддерживать имидж. С друзьями я в Эмираты и на Бали часто летаю. Покажу фотки.

- Круто!

- Круто? – она качает головой. – Даша, я устала от чемоданов, от самолётов, от того, что каждый год одно и то же: Милан, Париж, Рим. Шопинг, рестораны, светские мероприятия. Я мечтаю просто посидеть на лавочке у озера, как ты рассказываешь. Чтобы никто не требовал быть идеальной.

- А шопинг? – я всё ещё не верю. – Ты серьёзно не любишь шопинг? Это же мечта любой девчонки!

- Люблю, - признаётся Лиза. – Иногда, под настроение. Но когда тебя тащат по магазинам насильно, и ты должна мерить то, что выбрала мать, и улыбаться, это быстро надоедает. Сейчас она отстала, а раньше…

Я смотрю на неё и пытаюсь понять. Правда не понимаю, как можно ненавидеть то, о чём я мечтала всю жизнь.

- Расскажи про Италию, - прошу. – Как там?

Лиза оживляется.

- Красиво. Море синее-синее, горы, домики на скалах. Мы были на Амальфитанском побережье, это южное побережье полуострова Сорренто. Там такие огромные, душистые лимоны растут. И ликёр делают, лимончелло называется.

- Пробовала?

- Ага. Пьяная была в хлам, - смеётся она. – Мать орала потом неделю.

Я ржу. Представляю эту картину: идеальная Лиза, пьяная от лимончелло.

- А на яхте плавала?

- Много раз. Яхты у отчима друзей. Выходим в море, музыка, шампанское, закат. Красиво, конечно. Но холодно и внутри пусто.

- Почему пусто?

- Потому что рядом нет тех, с кем хочется это разделить, - она смотрит на меня. – Понимаешь?

Я киваю. Кажется, немного начинаю понимать. По ее глазам с грустинкой.

Звонок в домофон.

Лиза бежит открывать, возвращается с огромным пакетом.

Расставляет на столе коробочки, тарелочки, палочки. Я смотрю на всё это великолепие и чувствую себя первобытным человеком, которому дали сложный инструмент.

- Это лосось, это тунец, это угорь, - объясняет Лиза. – А это роллы Филадельфия, самые нежные. Давай, пробуй.

Я беру палочки. Пытаюсь ухватить кусочек. Он падает. Ещё раз, снова падает.

- Да твою ж... – ругаюсь.

Лиза хохочет.

- Дай помогу, - она подходит, поправляет мои пальцы. – Вот так держи. Не сжимай сильно, но и не расслабляй. Давай, пробуй.

Я пытаюсь. Подношу ко рту, кусаю.

И замираю.

- Ну как? – Лиза смотрит выжидающе.

Я жую. Чувствую нежный рис, солёную рыбу, сливочный сыр. И понимаю, что никогда в жизни не ела ничего вкуснее.

- Лиз, - выдыхаю. – Это божественно. Правда.

Она улыбается довольно.

- А ты не верила.

Мы едим, болтаем, смеёмся. Шампанское заканчивается, открываем вторую бутылку того, что стоит дешевле. Я чувствую, как хмелею, но мне хорошо.

- А ну вставай, - вдруг командует Лиза. – Идём в гардеробную.

- Зачем?

- Мерить платья, дурочка. Ты же теперь я. Должна выглядеть соответственно.

Гардеробная превращается в примерочную.

Лиза достаёт вещи одну за другой, кидает мне, комментирует:

- Это платье от Версаче, на день рождения надевала. Это Прада, слишком официозно, но тебе пойдёт. Это коктейльное, от Диор, самое любимое.

Я стою посреди этого великолепия и не знаю, за что хвататься.

- Давай сначала красное, - решает Лиза.

Я снимаю свою дурацкую кофту, джинсы.

Натягиваю красное шёлковое платье.

Оно садится идеально. Обтягивает бёдра, подчёркивает талию. Декольте глубокое, но не вульгарное. Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю.

- Лиз... Это я?

- Это мы, - поправляет она. – Красивая, да?

- Очень.

Дальше серебристое, короткое. Потом чёрное, в пол, с разрезом. Потом синее, бархатное. Я кручусь перед зеркалом, Лиза хохочет, мы пьём шампанское прямо из горла, потому что бокалы остались на кухне.

- А теперь давай туфли! – командует она.

Я на каблуках ходить не умею. Вообще. В деревне мы носили кеды и резиновые сапоги. Первые шаги на шпильках это цирк.

- Лиз, я упаду, - ною я.

- Не упадёшь, - уверяет она. – Представь, что идёшь по доске. Плавно. Бёдрами работай.

Я пытаюсь. Получается плохо, но смешно. Мы обе валимся от хохота.

- Давай музыку! – кричит Лиза.

Она включает колонку. Из динамиков льётся что-то ритмичное, современное.

- Танцуй! – командует.

- Я не умею под такое, - отбиваюсь.

- А подо что умеешь?

- Под наше, деревенское. Под гармонь.

Лиза ржёт. Включает другую песню медленную.

- А так?

Я киваю.

Мы танцуем вдвоём посреди гардеробной, обнявшись.

Платья дорогие, туфли на каблуках, а мы просто две девчонки, которые нашли друг друга после восемнадцати лет разлуки.

- Спасибо, Даш, - шепчет Лиза мне в плечо.

- За что?

- За то, что ты есть.

Я обнимаю её крепче.

- Теперь мы вместе. Навсегда.

Выходим на улицу часа в два ночи.

Питер сказка ночью, с подсветкой, с этими огнями, отражающимися в лужах после дождя. Мы идём по Невскому, обнявшись, как школьницы. Лиза в своём дорогом пальто, я в её же бежевом, кашемировом, тёплом.

- Смотри, - показывает она на здание. – Дом Зингера. Там сейчас дом книги.

- Красиво, - выдыхаю.

- А вот Казанский собор.

Мы подходим к собору. Огромный, величественный, с колоннадой, которая уходит в темноту. Подсветка делает его золотистым. Я смотрю и не могу насмотреться.

- Можно здесь посидеть? – спрашиваю.

- Давай.

Мы садимся на лавочку. Я задираю голову, смотрю на звёзды. Их почти не видно из-за городских огней, но пара штук всё же проглядывает.

Мы молчим. Наблюдаем за редкими прохожими. Город засыпает, но не до конца.

- А он придёт? – спрашиваю я. – Твой.

- Максим, - Лиза улыбается. – Должен. Сказал, что заедет.

- Кто он вообще?

- Студент. Политех. Обычная семья, небогатая. Мать была в ужасе, когда узнала. Мне пришлось соврать, что все кончено.

- И как вы познакомились?

- Случайно, - мечтательно говорит Лиза. – Я забежала в кафе, а он там сидел. Кофе пил. И так посмотрел... понимаешь? Не на пальто моё, не на сумку. На меня.

- Любовь? – улыбаюсь.

- Любовь, - кивает. – Дурацкая, неправильная, запрещённая, но настоящая.

Я смотрю на неё и радуюсь. У сестры есть любовь. Пусть с ним потом разберутся, мать там, отчим. Но сейчас она счастлива.

- А он тебя любит? – спрашиваю.

- Говорит, что да. – Лиза мнётся. – Я верю.

Что-то в её голосе меня настораживает, но я не успеваю спросить, к нам подъезжает машина.

Из неё выходит парень.

Высокий, худой, в куртке. Лицо симпатичное, но глаза бегают как-то. Осматривает меня, потом Лизу, потом снова меня.

- Привет, - говорит он, подходя. – Это и есть сестра?

- Да, - Лиза вскакивает, бросается к нему. – Макс!

Она вешается ему на шею, целует. А он смотрит поверх её головы на меня. И улыбается. Странно так.

9

- Приятно познакомиться, - он протягивает руку.

Я пожимаю. Ладонь влажная, скользкая.

- Взаимно.

Лиза отлипает от него, светится вся.

- Макс, мы завтра уезжаем! Я свободна, слышишь? Можем поехать вместе, как ты хотел! Но при условии, что заедем на недельку в деревню, к моей бабушке! Мы целый месяц можем быть вместе с тобой, представляешь?

- Круто, - кивает он. – Месяц, говоришь?

- Ага. А Даша здесь останется, вместо меня.

Он снова смотрит на меня. Оценивающе.

Мне это вновь не нравится. Он выглядит отрешенным, подозрительным, а таких парней я за версту чую. Что-то с ним не так, зуб даю.

Хмурь, оценивая его. Он считывает меня на изи, точно как и я его. Усмехается, закидывает руку на плечо Лизы, сжимает ее ягодицу.

Она любит его, видно. А он…всего лишь позволяет.

Ну и вляпалась же ты систер!

- А ты, значит, Даша, - тянет он. – Из деревни?

- Именно, - киваю, скрещивая на гуди руки. – А ты? Обычный парень? Образно тоже колхоз?

Лиза задыхается от моей дерзости. Качает головой. Он кривится. Ему такое сравнение не нравится.

- И как тебе Питер? – игнорирует намеренно мой выпад.

- Нравится. Круто!

- А Лиза говорила, ты танцуешь?

- Танцую.

- Круто, круто. Хоть по тебе и не скажешь.

Он отводит взгляд, но осадочек остаётся. И у него, и у меня.

Надо бы о нем расспросить сестру больше.

Мы ещё немного болтаем, потом Макс говорит, что ему завтра рано вставать, раз уж они едут, и он хочет подготовить машину к поездке, подмигивает мне и уезжает. Лиза смотрит ему вслед с обожанием.

- Ну как тебе он? – спрашивает она.

- Лиз... - подбираю слова. – Ты его хорошо знаешь?

- Конечно, - удивляется она. – Три месяца уже.

- И что ты про него знаешь?

- Ну... учится в Политехе, живёт в общаге, родители в области. Всё нормально.

- А друзья его какие? Знаешь? Видела?

- Не особо, он нелюбимый, интроверт типа, но какая разница? Мне так даже лучше, он всегда мой!

Я молчу. Не хочу портить ей настроение, но внутри свербит.

- Лиз, он как-то... странно смотрел на меня.

- Ревнуешь? – смеётся она. – Даш, не переживай, он мой. Он клевый.

- Я не ревную. Я просто не поняла, что он за парень. Просто будь осторожна, ладно?

- Буду, - отмахивается она. – Ты зря. Он хороший.

- Ага, такой хороший, что сбежал. Ему не понравились мои вопросы и возможные вопросы далее.

- Да брось! Ты просто его подкалывала!

- Он тоже так-то, - хмыкаю. – Ты у него дома была?

- Он в общаге живет, что мне там делать? В основном мы у меня тусуемся или в отелях, ну ты понимаешь, да?

Она играет бровями. Я качаю головой.

- Ну а машина эта его? На какие деньги он купил ее?

- Его. В гараже была. Он там часто время проводит, любит за тачкой ухаживать. Вот и сейчас, я уверена он пол ночи копошиться будет с ней, ведь нам еще на ней ехать тысячу километров!

- А поехали посмотрим?

- Куда? В гараж? Ночью? С ума сошла?! Он на отшибе, в старом гаражном кооперативе, он его снимает у какого-то дедка там.

- Отлично. Едем, - киваю я и открываю на телефоне приложение такси. – Вбей адрес? Хочу присмотреться к нему получше, а то что-то мне беспокойно.

- Ты зануда, как мать! – хохочет Лиза.

- А ты как отец без ума. – Фыркаю. – Он даже не потусил с нами, а просто сбежал.

- Он занят!

- Нет уж! Такое поведение называется бегство!

- Ладно, ладно, не бузи! Едем!

10

Такси летит по ночному Питеру, а я смотрю в окно и пытаюсь успокоиться. Лиза рядом сияет, предвкушая встречу с любимым, а у меня внутри всё переворачивается от того, как этот Макс на меня смотрел. И как быстро свалил.

- Ты чего такая хмурая? – Лиза толкает меня в бок. – Расслабься! Сейчас увидишь, какой он классный, когда рядом со своими. Я уверена, что проверять машину ему будут помогать друзья. Он часто рассказывал мне, что они тусуются у него в гараже.

- Думаешь они сейчас там?

- Ну да. Он говорил, у него есть компания, они в гараже тусуются, музыку слушают, машины чинят. Нормальные пацаны.

Я хмыкаю. В моём понимании нормальные пацаны выглядят иначе. Но спорить не буду, скоро сама увижу.

Машина сворачивает в какой-то промышленный район. Фонарей всё меньше, дома всё облезлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.